

Берлибекова М.Е.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ УБИЙСТВ, СОВЕРШАЕМЫХ ЖЕНЩИНАМИ

УДК: 347.635(575.2)

В данной научной статье в историческом аспекте на примере европейских стран и Казахстана, рассматриваются убийства, совершаемые женщинами. Приводятся различные мнения по данному вопросу, а также результаты научных исследований ученых данной сфере.

In this scientific article in a historical aspect examines murders committed by women on the example of European countries and Kazakhstan, given different points of view on this issue, results of the scientific researches made by scientists of this sphere.

В условиях правового реформирования государства все большее значение приобретает законодательный опыт как в плане преемственности норм права, так и в плане изучения и анализа иных правовых положений. С этих позиций значительный интерес представляет правовое исследование в историческом ракурсе генезиса норм права, устанавливающих ответственность за убийство. Убийства всегда привлекали пристальное внимание ученых: криминологов, социологов, психологов и психиатров. Убийства совершались всегда, при любом экономическом строе. Однако, не вызывает сомнений, что уровень насильственных преступлений, особенно убийств, является отражением социального и духовно-нравственного здоровья общества. Осуществим небольшой экскурс в историю. Казахское обычное право состояло из трех источников: обычай («адат» или «зан»), практика судов биев («бидің билігі»), положение съезда биев («эреже»). По казахскому обычному праву были известны 4 основных вида преступлений против личности. Это оскорбление, нанесение побоев, телесные повреждения и убийство. При этом казахское обычное право знало наказуемые и ненаказуемые убийства. Вплоть до середины XIX столетия к ненаказуемым убийствам относились: убийства мужем своей жены и ее любовника, уличенных в прелюбодеянии, родителями своих детей, убийство хозяином своего раба, убийцы, застигнутого на месте преступления, грабителя, вора и др. При этом различалось убийство по злему умыслу и убийство по неосторожности (оно влекло за собой меньшее наказание, либо наказание вообще не

За убийство, совершенное во время барымты, виновный подвергался меньшему наказанию, чем за обыкновенное умышленное убийство. Если во время барымты было убито равное число людей с обеих сторон, то обычно эти дела заканчивались взаимным зачетом.

Убийство, совершенное во время гнева, вызванного действиями самого потерпевшего, влекло также меньшее наказание, чем обыкновенное умышленное убийство. По этому поводу Н. Изразцов

предусматривалось). Казахское обычное право в зависимости от характера и объекта преступных посягательств различало:

- убийство, совершенное при отягчающих обстоятельствах;
- убийство, совершенное при смягчающих обстоятельствах;
- обыкновенное убийство.

К первой группе убийств относились убийство знатных людей, убийство родителей, убийство мужа женою, убийство беременных женщин, убийство младенца, прижитого не от мужа и убийство с сокрытием трупа. В казахском обычном праве нет акцента на убийство хана и родителей детьми, поскольку подобное считалось вообще недопустимым. За убийство беременной женщины виновные несли наказание как за убийство 2-х человек, однако при этом принималось во внимание время, прошедшее со дня зачатия ребенка. Женщину, убившую ребенка, рожденного не от мужа, предавали смертной казни. Ст. 87 Сборника казахского адата 1824 года гласит: «Родители за убийство детей своих никакому наказанию не подлежат, исключая ежели женщина прижитого незаконно, с посторонним младенца от стыда умертвит, тогда предается смерти»¹.

К убийствам при отягчающих вину обстоятельствах относилось и убийство с сокрытием трупа убитого. Сокрытие трупа вызывало дополнительную затрату сил и средств на розыски виновного, лишало родственников убитого возможности своевременно устроить обязательные по обычаю поминки, а иногда приводило к тому, что труп сведался собаками, волками и другими животными.

Жену, убившую своего мужа, предавали смертной казни. «Если жена умертвит мужа, то она непременно предается смертной казни, от которой не может спасти уплата куна, если родственники не простят ее»². Аналогичные нормы содержатся в записях обычного права, произведенных и в XIX веке.

Убийство «почетными людьми», т.е. ханами, султанами, биями рядовых членов общества влекло меньшее наказание, чем убийство, совершенное лицом, равным с потерпевшим по правовому положению в обществе.

писал: «Если киргиз убит в драке им же начатой и вызванной, то полный кун никогда не присуждается, в этом случае присуждается половина и даже менее»³.

Иными словами, в казахском обычном праве состояние гнева, сильного душевного волнения, вызванное провокационными действиями потерпевшего, являлось смягчающим обстоятельством.

Нельзя не отметить неравноправное положение казахских женщин того периода. Согласно норм

казахского обычного права, муж за убийство своей жены никогда не осуждался так строго, как жена за убийство мужа. Так, например, за убийство жены мужа не предавали смертной казни.

В позднейших нормах обычного права убийство мужем жены стало рассматриваться как обыкновенное убийство. Так, в записях обычного права казахов Младшего жуза, произведенных в 40-х годах XIX века, указывалось: «Кто убьет жену свою, с того взыскивается ближайшими родственниками ее кун, какой положен за постороннего убитого»⁴.

Возможно это произошло вследствие ослабления патриархально-феодальной власти мужа как главы семьи, проникновением в казахское обычное право некоторых российских норм права. В силу этого, вероятно, стали признаваться наказуемыми деяниями некоторые из упомянутых видов убийств (господином своего раба и т.п.), которые в прежние времена по нормам обычного права не считались наказуемыми. К обыкновенным относились убийства, при которых отсутствовали вышеуказанные отягчающие и смягчающие вину обстоятельства. Случайное убийство не влекло за собой уголовной ответственности.

Из всех перечисленных видов убийств в казахском обществе наиболее распространенными были убийства из мести, конфликта между родами, обычно сопровождавшиеся барымтой и тому подобными действиями. Убийства на почве мести носили открытый характер и возникали в результате споров из-за зимовок, пастбищ, кражи и т.п. Такие виды убийств, как детоубийство, отцеубийство, мужеубийство, убийство из ревности, хулиганских побуждений, в казахском обществе встречались крайне редко.

Наиболее распространенной мерой наказания за убийство в XIX веке был кун. В зависимости от классово-имущественного положения потерпевшего и виновного кун определялся в огромных размерах. Так, в эреже, утвержденном на Чарском съезде в 1885 году, было установлена плата: «за преднамеренное убийство мужчины 100 верблюдов, из коих 25 тайляков (по второму году), 25 кунанов (3-летних), 25 доненев (4-летних) и 25 бесты (5-летних). За случайное убийство 50 верблюдов, из коих 25 бесты и 25 кунанов. За убийство женщины половина куна. За нечаянное убийство куна нет. За убийство мужа женою или жены мужем куна не полагается».

Казахское обычное право не считало преступниками людей, доведших других своими действиями до самоубийства. Так, в эреже, утвержденном на Токмакском съезде биев в 1898 году, говорится: «Если женщина удавится или на пути следования во время побега утопится или отравится, то за такие убийства в куне отказывать; не полагается также куна за убийство и самоубийство, если будет доказано, что этой смертью хотели отомстить кому-либо и платою куна за себя обратив своих -наследников. Виновные в таком убийстве предаются русскому суду»⁵. Среди казахских женщин случались и самоубийства. На безнаказанность действий одних, приводивших других к

самоубийству, значительное влияние оказала и мусульманская религия, считавшая самоубийство греховным деянием. «Между киргизами, - писал В. Тронов, - случаются и самоубийства. На самоубийство киргизы смотрят, как на греховное преступление. В одном случае женщину, удавившуюся вследствие раздора семейной жизни, мулла не стал отпевать и запретил хоронить с прочими умершими»⁶.

Женщина в казахском обществе находилась в бесправном зависимом положении от мужчины. По казахскому обычному праву женщина полностью устранялась от какого-либо участия в общественных и государственных делах. Она за редким исключением не имела права участвовать на судебном процессе в качестве стороны, защищающей свои права. За нее должны были выступать: муж, отец или другие лица, в подчинении которых находилась женщина. Хотя формально женщине не запрещалось быть свидетельницей в суде, но фактически она не имела и этого права. Если же ей приходилось когда-либо выступать в суде, то показания ее признавались менее ценными, чем показания мужчины. Женщина не имела права самостоятельно заключать какие-либо имущественные сделки. В семье она рассматривалась до выхода замуж как собственность отца, а после замужества как собственность мужа. В патриархальной казахской семье все члены ее находились под властью главы семейства. Глава патриархальной семьи - отец или муж - имел почти неограниченную власть над детьми и женами. Об отце и муже нельзя было сообщать органам власти даже тогда, когда они совершали тяжкие преступления. Так, например, по закону Тауке «жена и дети, знающие о воровстве мужа или отца и не донесшие на него, не подвергаются никакому взысканию, ибо на старшего в семействе не позволено доносить». Расторжение брака зависело исключительно от мужа. Мужчина одновременно мог иметь неограниченное количество жен, если он был в состоянии уплатить за них калым и содержать их. Согласно шарияту «жена, имея мужа, своего ближайшего покровителя, должна слушаться его повеления и не противоречить и не противодействовать его распоряжениям»⁷.

Прокорм и полное содержание всей семьи было исключительно задачей мужчин. Занятие женщин - только ведение домашнего хозяйства, приготовление пищи, забота о детях, муже, его родителях. Честь, достоинство и неприкосновенность женщины защищались. Обида, нанесенная женщине, рассматривалась, как правило, как обида, нанесенная ее мужу, его и ее родственникам. Подобные действия мгновенно пресекались, как нарушающие семейно-брачные отношения. Прочные семейные и родовые узы служили надежным самоконтролером межличностных отношений. Внутрисемейные ссоры возникали крайне редко. После замужества и попадания в новую семью, женщина вела себя строго в соответствии с усвоенными с детства правилами и нормами супружеской жизни, которые отражали в себе устоявшиеся общественные взгляды на социальный статус женщины. Если абстрагироваться

от чувств и душевной привязанности женщин, мы констатируем, что женщина всегда была защищена, причем защищена законодательно. У казахов не было понятия «одинокая женщина» - казахское обычное право учитывало слабость и социальную незащищенность женщины и предусматривало это. Как известно, даже в случае смерти мужа, т.е. мужчины, ответственного за нее, женщина не оставалась одна. По нормам казахского адата заботу и ответственность о ней принимала сторона мужа - жена передавалась в жены одному из его наследников, близкому родственнику. Такое отношение подтверждается существованием у казахов обычая аменгерства, который известен у европейских народов под названием «левират». Согласно этим обычаям жена обязана выйти замуж за брата умершего мужа, а если нет брата, то за другого родственника. Если вдова по своей воле выходила замуж за постороннего человека, то она лишалась права на все свое имущество. Более того, дети первого мужа должны были оставаться у родственников покойного.⁸ Ни в коем случае не идеализируя прошлое, отмечая бесправное положение женщины, жизнь женщины в узком социальном окружении со строгим соблюдением неформальных норм социального общения и принимая во внимание отсутствие ведения какой-либо статистической отчетности по выявлению и пресечению убийств, совершаемых женщинами, тем не менее, приходится констатировать, что доля правонарушений и преступлений, тем более, женской преступности, в том числе и совершением ими убийств, занимались многие видные ученые - Кетле, Ломброзо, Ферри, Ван-Кан.

Согласно результатам исследований Кетле «влечение к совершению преступлений находится в зависимости от возраста, пола человека, его профессии, степени образования, времени года и прочего». При этом он утверждал, что у женщины слабее выражена склонность к преступлению, так как они имеют меньше возможностей для совершения преступлений. Причинами этого являются их подверженность в большей степени таким чувствам как скромность, стыд. Кроме этого, женщины являются социально зависимыми, а также более слабыми в физическом плане по сравнению с мужчинами.

По мнению Кетле: убийства - это акты насилия. Он писал, что эти акты, взятые в большом масштабе, обнаруживают по своему числу и по своей классификации такую же закономерность, как явления природы. По его мнению, общество скрывает в себе зародыш всякого убийства, оно само подготавливает такого рода насилие над человеком. Во всем, что касается убийств, писал он, числа повторяются с таким постоянством, что этого нельзя не заметить. Здесь же Кетле отмечает, что не только убийства ежегодно совершаются почти в одном и том же числе, но и орудия, которыми они совершаются, употреблены в одних и тех же пропорциях. Он рассматривал убийство из прогностической точки зрения: можно заранее

убийств, совершаемых женщинами, была крайне незначительна. Если и совершались убийства женщинами, то это были единичные случаи. Чему мы неоднократно находим подтверждение в литературе.

Таким образом, очевидно, что проблема женской преступности, и, тем более, совершения ими убийств, остро не стояла. А справедливее будет сказать, что ее вообще не было, как таковой. Вплоть до начала прошлого века ~ достаточно высокого нравственный и духовный уровень общества, соблюдение общепринятых норм морали, жизнь в соответствии с правилами, предписанными исламом, практически полное отсутствие алкоголя и наркотиков. Аналогичную картину мы наблюдаем во всех мусульманских государствах. Возможно именно из-за отсутствия женской преступности, не говоря уже о совершении женщинами убийств, автору не удалось обнаружить исследований мусульманских ученых по данной тематике. Как известно, лишь после большевистского переворота 1917 года, крушения самодержавия наблюдается разрушение вековых социально-экономических устоев, принципов, норм и обычаев культурно-бытового порядка казахов, а вместе с ним и проявления ими криминальной активности, в том числе и женщинами.

Несколько иная картина прослеживается на европейском континенте, где женщины довольно активны, причем убийственно активны. Изучением

вычислить, писал он, сколько людей замарают кровью руки себе подобных. Кетле многое связывает с проблемами общества.⁹

Кетле, Монтескье и Беккариа, изучая все виды насилия, в том числе и убийства, брали за основу роль общественных явлений. Однако, если концепции Монтескье и Беккариа основывались на выводах, сделанных в результате простых опытов, главным образом, индивидуального свойства, то Кетле показал определяющую закономерную роль общественных явлений в преступности на основе статистического анализа.

Ч. Ломброзо видел причину преступности в природных свойствах, с которыми человек рождается на свет. Преступник по Ломброзо - это тип, имеющий ряд физических и психических черт, сближающий его с дикарями, первобытными людьми и далее с животными. Преступники

- это двуногие тигры среди людей, это хищники, которые не могут приспособиться к обычным человеческим условиям и в силу своих психофизических качеств способны лишь убивать, грабить и насиловать.¹⁰ Ломброзо считал женщину более преступной, чем мужчину. Им придавалось большее значение анатомическим и физиологическим свойствам организма в механизме преступного поведения. Обоявив женщину, стоящей на более низкой ступени органического развития, чем мужчина, Ломброзо ждал большей преступности со стороны женщин. Но поскольку данные уголовной статистики свидетельствовали об

обратном, Ломброзо считал, что к цифрам женской преступности необходимо добавить сведения о женской проституции, так как типы преступницы и проститутки схожи *между* собой.¹¹ Это, конечно, достаточно неоднозначные выводы. Однако, некоторые из них выдержали проверку временем. При этом, Ломброзо считал, что причинами меньшей преступной активности женщин является их «биологическая недоразвитость», зависимость женщин от своих биологических часов, согласно его теории на преступное поведение женщин влияют критические дни. Ныне это достаточно активно используется в развитых странах. Так, по законодательству ряда европейских стран, предменструальный синдром (ПМС) признаётся обстоятельством, смягчающим ответственность за совершённое женщиной преступление, а то и освобождающим от неё. Ведь, ПМС - не вздорный женский каприз, а объективное болезненное состояние, и относиться к этому следует с соответствующим пониманием и сочувствием.¹² При проведении автором опроса в местах лишения свободы некоторые женщины, осужденные за убийство, в частных беседах выражали сожаление автору, что подобные вещи в нашей стране не принимаются во внимание судом при вынесении приговора.

Энрико Ферри согласен с выводами Ч. Ломброзо, но признает значение экономических факторов

- социальные и экономические контрасты оказывают определяющее влияние на преступность. Аналогично высказывался и М.И. Кондрашков

- «одними биологическими различиями нельзя объяснить разницу между мужской и женской преступностью, как нельзя объяснить биологическими явлениями причины преступности вообще. Специфику преступности мужчин и женщин можно объяснить факторами социальными»¹³. Ван-Кан считает, что «преступность следует рассматривать как проявление общего болезненного состояния социального организма, состояния, связанного в своих формах и переменах самым существом общества, с недостатками его организации, его пороками, той тесной роковой связью, которая необходимо связывает патологию и физиологию»¹⁴

Тарковская П.Н. исследовала антропометрическим методом 160 женщин-убийц и 150 женщин, убийств не совершивших, и провела их сравнительный анализ. Все исследованные 310 женщин происходили из крестьян и были выходцами из средних губерний России. Тарновская П.Н. пришла к выводу, что существует некоторое различие между женщинами, совершившими преступлениями, и женщинами, его не совершавшими [19]. Несмотря на то, что исследование имело место более века назад оно не потеряло актуальности, тем более, что до сих пор нет ни одного значимого исследования, посвященного женским убийствам. Тарновская П.Н., будучи последовательницей Ломброзо, исходила из биологической предрасположенности человека к преступному поведению, учитывая при этом негативные условия жизни, воспитания, наставничества. Согласно исследования, проведенного

Тарковской П.Н., в наследственном отягощении убийц в восходящем поколении чаще всего встречался алкоголизм-71%. В контрольной группе алкоголизм был выявлен в 16%. Психические расстройства, эпилепсия, истерия, а также сифилис и туберкулез были выявлены в восходящем поколении у женщин-убийц в 42%. Бесплодие у женщин-убийц составило 21%. Приведенные цифры свидетельствуют о тенденции к прекращению рода в группе женщин-убийц, при этом выделяются следующие виды убийств: мужеубийство, детоубийство, убийства корыстные, из мести, случайные, убийства нервно и душевнобольных.

В результате проведенного исследования Тарновская П.Н. делит их всех на две группы:

- убийцы под влиянием побуждения страсти или страстного импульса. Это убийства из корысти, на почве материальной любви, половой любви, ревности, мести, накопленных обид, ненависти и т.п.;

- убийцы с подавленным восприятием. Это убийцы с притуплением нравственного чувства, душевнобольные, случайные.

И приходит к следующим выводам:

- существуют антропологические различия между преступниками и преступницами;

- у женщин-убийц имеются большие отклонения в психическом и половом отношениях.

Очевидно, что Тарновская П.Н. делает упор на особую биологическую предрасположенность у женщин-убийц¹⁵. Эта точка зрения доминировала до 30-х годов прошлого века. Лишь позже стали проводиться исследования, которые пытались объяснить совершение женщинами убийств с социальной, психиатрической и психологической позиций.

Таким образом, вывод, к которому пришла основная масса исследователей того периода, это то, что совершение убийств женщинами, объясняется в основном биологическими, врожденными факторами.

Однако с появлением трудов З. Фрейда появилось новое направление в изучении личности женщин, совершающих преступления, - психология, хотя это и было лишь ответвлением (отростком) биологической школы объяснения причин преступного поведения. Если Ломброзо считал, что насилие, проявляемое в преступлении, характерно, только для некоторой части людей, то исходной позицией Фрейда явилось положение о том, что все без исключения люди рождаются потенциальными преступниками, «подавляя силой друг друга», хотя не все ими становятся. Теория Фрейда основывается на том, будто сущность психики человека есть результат воздействия врожденных, архаичных половых и агрессивных импульсов. В основе всего, писал Фрейд, лежит личность с его агрессивной реакцией на «инстинктивные образования», когда насилие и жестокость находят «сферу приложения». Если такового не происходит, возникает невротический конфликт, внешним проявлением которого является соответствующее преступление, как правило, связанное с насильственными действиями сексуального характера. Это, по существу,

теория сексуальности. По Фрейду человек наделен разрушительными, агрессивными от природы инстинктами, а потому насилует и убивает.¹⁶

«Об индивидуальной склонности к преступному насилию» писал и Франц Лист, при этом указывал на связь с социальной сферой. Однако Лист, ведя речь об указанной «индивидуальной склонности» считал, что преступление - необходимый атрибут человеческой жизни.¹⁷ В этом Лист близок к Фрейду: в основе всего лежит именно и только личность. В таком плане проходят исследования - до середины XIX века.

В начале XX столетия следует публикация статьи Краснушкина Е.К. и Холзаковой Н.Г. «2 случая женщин-убийц-гомосексу листов», в которой дан психологический анализ убийств, совершаемых женщинами, причем большое внимание уделяется наследственности.¹⁸ Согласно исследований М. Гернет¹⁹ - причины совершения женщинами преступлений, в том числе и убийств, есть социальные условия женщины, ее положение в обществе. Данной проблеме были также посвящены работы Заменгофа М.Ф.²⁰, Чехова А.²¹

Таким образом, на протяжении всей своей истории человечество пыталось дать характеристику собственным насильственным действиям. Ученые своего времени, старавшиеся объяснить природу женских насильственных преступлений, в частности убийств, давали объяснения в соответствии с теориями и направлениями, распространенными в то время. И на определенном этапе развития общества их объяснения в определенной степени удовлетворяли общество, отдельные течения были достаточно прогрессивны для тех времен.

Литература:

1. Этнографическое обозрение. - 1897. - № 4., с. 1-36

2. Семенов Ю.й. Степной закон. Обычное право казахов, киргизов и туркмен. М. Старый сад. 2000. 289 с. / Кульгелеев Т.М. Уголовное обычное право казахов. Алма-Ата, 1955г., 301с.

3. Тронов В.Д. Материалы по этнографии и антропологии киргизов//Обычаи и обычное право киргиз. Записки ЗРГО по отделению этнографии. СПб.: Скоропечатня П.О. Яблонского, 1891г., Вып. П.-С.45-89.

4. Кетле А. Человек, развитие его способностей, или опыт социальной физики. - Киев, Изд-во: И.О. Бакста, 1865, Т.1

5. Ломброзо Ч. Преступление, СПб, 1900.

6. Ломброзо Ч. Указ.соч.

7. Покровский Б.М., Коротько Г.Ф. (ред). Физиология человека. Уч. Для студентов медицинских ВУЗов. М. 2003, 656 с, Статья подготовлена специалистами Научного центра акушерства, гинекологии и перинатологии РАМН и опубликована на сайте Медафарм Холдинг, <http://megafann.ni/php/content.php?groiip=2&id=415>

8. Кокдрашков Н.Н. Количественные методы в криминологии. - М.. 1971. - С. 153.

9. Ван-Как. Экономические факторы преступности. М. 1915. 329с

10. Тарнозская П.Н. Женщины-убийцы. - Спб., 1902. - С. 456.

11. Фрейд З. Психология бессознательного. М. Просвещение. 1989. С. 122-199

12. Лист Ф. Преступление как социально-паталогическое явление. Спб. 1900

13. Краскушкин Е.К. и Холзаков Н.Г. «2 случая женщин-убийц-гомосексуалисток» // Преступник и преступность. М. 1926, с.105

14. Гернет М.Н. Социальные факторы преступности. М. Университет тип., 1905, 203с.

15. Заменгоф М.Ф. Брак, семья и преступность.// Журнал Министерства юстиции. 1916, № 2, с 143-174.

16. Чехов АЛ. Остров Сахалин. М., Наука, 1987 г., 924с.

Рецензент: к.ю.н. Кишибекова А.